

Николай Старинщиков

На срок жизни

18+

Николай Старинщиков

На срок жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старинщиков Н. А.

На срок жизни / Н. А. Старинщиков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5321-0598-0

«На срок жизни», – говорится иногда в договоре. Однако тут возникает вопрос: а не укоротят ли принудительно этот срок?

ISBN 978-5-5321-0598-0

© Старинщиков Н. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Какой-то умник сказал, что старого человека болезни не беспокоят. В старости их становится слишком много, чтобы переживать по каждой в отдельности. Это он загнул от незнания предмета.

Александр Сергеевич повернулся на другой бок, скрипя кроватью, и тяжело вздохнул. Сна – ни в одном глазу! А еще говорят, что можно привыкнуть к одиночеству.

Сергеич поднялся и стал бродить в потемках по квартире, пользуясь светом снаружи. От кровати – к окну. От окна – в коридор, оттуда на кухню.

Однако бродить вскоре ему надоело. Сергеич у окна остановился, прижавшись коленями к теплой батарее. Весна за окнами. На темном асфальте блестит вода. Хороший сезон, замечательный. Можно уехать на дачу до самой осени. Квартиру сдать под охрану и жить на вольном воздухе. В сельской местности вернется здоровый сон, голова перестанет кружиться. А Тамара Борисовна станет тут приезжать. Непременно! Поскольку летом в городе лучше не жить – экология здесь никуда не годится. Вот опять голова закружилась, а в груди неожиданно замерло...

Сергеич уцепился рукой за форточку и с трудом отворил. Болезнь привязалась к нему с самой осени. И, что характерно, определить не могут в больнице, отчего вдруг слабость взялась в организме. Врачи говорят, что это надолго. На всю оставшуюся жизнь, хотя и не смертельно. До ста лет можно прожить с таким диагнозом. Для того и лекарства изобрели, чтобы поддерживать человека.

Лушников устал думать, его вдруг потянуло в сон. Он вернулся к кровати, лег набок. Укрылся. И сон опять овладел телом.

Во сне Лушников летал над каким-то аулом, позади у него сидела жена – Лушникова Ирина. Живая! Здоровая! Но как она там оказалась, если самолет одноместный?

В воздухе кружил противник. Это были самолеты с американскими звездами. Санька Лушников, молодой лейтенант, летал над чужой страной, без документов в кармане...

На этот раз его подбили. Самолет потерял управление и пошел штопором в землю.

Ирина вцепилась пальцами в плечи и кричала изо всех сил:

– Чем ты думаешь, старый осёл?! Неужели до тебя не доходит?!

После падения Александр Сергеевич долго соображал, приходя в себя. Тишина. Будильник шелкает электрическим механизмом. В квартире всё тот же полумрак. Так жаль, что кончился полет. Ирина была рядом – рукой дотянуться можно...

Сергеич опять забрался на кровать, отвернулся лицом к стене, подтянул одеяло и тут же задремал. Теперь без сновидений.

Проснулся поздно. В голове опять как-то странно гудело, словно трактор работает за углом. На самом деле никакого там трактора нет – проверялось неоднократно.

Он лежал, глядя то в потолок, то в окно, наливаясь шумом. Потом опустил ноги с кровати, сел, задержал дыхание: этот прием помогал когда-то снижать давление и устранять головную боль. Но в последнее время этот прием уже не работал. С чего бы? Ведь это проверенный способ. В таком случае надо открыть все до одной форточки. Свежий воздух – основа здоровья.

Звонок в дверь прервал размышления. Сергеич обрадовался. Выходит, не всё потеряно.

Он вышел в прихожую. За дверью стояла Тамара Борисовна – миниатюрная, хищная, молодая. От нее несло свежей улицей.

Лушников поддернул штаны, посторонился, кучерявый пушок на голове пригладил ладонью.

– На улице сегодня! Ой! Прямо прелесть! – шелестела Тамара. – Что у тебя со лбом?!

– С кровати упал...

Тамара загадочно улыбнулась, руки побежали по сумкам.

– Уколемся для начала, потом прогуляемся...

Однако Лушников от укола отказался, подняв кверху обе руки. И без того голова кружится, а тут еще эти лекарства. Надо бы пропустить...

Сели обедать. Лушников покосился в сторону часов на стене.

– Что? – поймала его взгляд Тамара.

– Обед, – вздохнул Сергеич.

Со вчерашнего дня у него оставалась нетронутой печеная курица. Лушников специально ее приготовил, надеясь, что Тамара Борисовна придет ночевать. Но та, сделав инъекцию, ушла, сославшись на занятость. Спросить бы, в чем причина «прогула», да разве же спросишь с гражданской жены? Одним словом – гостевой брак: пришел, ушел, никаких обязательств. Таким образом они кувыркаются вот уж почти год. Тамара живет в бывшем общежитии – без прописки, без ордера, на птичьих правах. Говорит, дочь у нее где-то имеется.

– Устала тоже. Легла отдохнуть – и уснула, – бормотала Тамара. – Проснулась – утро.

Прости старушку...

Ну да! Старушку! При этом на вид «старухе» едва за тридцать.

Сергеич в удивлении дернул головой. Достал из холодильника бутылку водки, распечатал, наполнил рюмки – воскресенье всё же.

– Ты подумай насчет договора, – напомнила «старушка».

– Потом...

Сергеичу надоели уговоры. Он поднял рюмку и посмотрел внутрь: прозрачная жидкость дрожала в руке.

– Сейчас уже многие заключили договоры... – продолжала Тамара. – Ты ж не один такой будешь у них...

– Мелко плавают пока что... Встанут на ноги – тогда и посмотрим.

– Каждому по телевизору, добавка к пенсии, освобождение от платежей, – стрекотала Тамара.

Лушников мотнул головой. И протянул руку со стопкой.

– Может, голова перестанет шуметь. С воскресеньем!

И торопливо задрал кверху голову вместе с рюмкой, потом вернул пустую на стол и сморщился, блуждая глазами по столу. Чем бы таким закусить, чтобы не больно жирно, но чтобы вкусно. Наткнул на вилку огурец и стал жевать. Быстрая как молния мысль пронзила насквозь. Сколько осталось таких вот огурчиков в жизни испробовать? Хорошо – банок десять. Или, может быть, бочку... А если нет?! Если отмерено ему совсем ничего? Надо подумать над предложением Тамары Борисовны. Ведь она медицинская сестра. С хирургом когда-то работала, пока из Средней Азии на Среднюю Волгу не проводили...

– Я подумаю, – решил он. – Как это называется? Пожизненное содержание с иждивением? А я, значит, иждивенец буду?

– Ну да!

– Ешь курицу! – Он взял нож. Отпилил ножку и протянул.

– Кушай. Ноги еле носишь...

Однако та продолжала всё ту же тему: подписал бумажку – и гуляй на здоровье. Раз в месяц к тебе приходят, деньги приносят, уколы делают.

– Seriously, что ли?

– В зависимости от медицинских показаний...

Тамара попробовала ножку.

Выпили еще по рюмке, закусили и стали собираться.

– Странно, – оживился вдруг Лушников. – Голова больше не кружится... Выходит, сто грамм – самое лучшее в мире лекарство.

– Это пока, – возразила Тамара Борисовна. – Потом хуже будет. К тому же, если превысить дозу...

И Тамара принялась развивать похмельный вопрос. Сергеич внимательно слушал. Кто, кроме нее, может подсказать. Однако жить по рецептам как-то не вписывалось в житейские планы.

Они выбрались из квартиры и пошли тротуаром. Сергеич дышал во все ноздри. Хорошо-то как! Засиделся в квартире!

У перекрестка они свернули мимо магазина «Полянка» и здесь столкнулись с Ваней Гириным. Сергеич остановился, несмотря на холодный взгляд Тамары Борисовны.

– Как живешь, Ваня? Случаем, не летаешь на вертолете?!

Естественно, тот давно не летал. Это была всего лишь шутка.

Иван протянул крепкую руку. Давно не виделись. И уставился в сторону Саниной спутницы.

– Тамара Борисовна, – представил ее Сергеич. – Моя супруга.

– Успевают же люди! И ничего не сказал!

– Да мы это... Без росписи.

– А-а-а... Понятно. Слыхал, может? Уляхин квартиру придумал на меньшую обменять. Чтобы, говорит, меньше платить. Но жена у него уперлась, не соглашается... Ну?.. Не дурак ли?!

– Выходит, что крыша поехала... Действительно. Надо бы с ним поговорить тоже...

И тут Тамара придавила Сергеича пальцами под локтевой сгиб – отчетливо, с нетерпением. Стоять неохота человеку.

– Работаешь? – спросил Гирин.

– Какой там. Еле хожу...

– Сын-то хоть пишет?

– Нет...

– То-то, смотрю, зеленый ты весь. – Гирин внимательно смотрел другу в лицо. – Какой у тебя диагноз?

Ответ оказался удручающим: «Опущение всего организма».

Гирин оттопырил нижнюю губу. Интересный диагноз. Старухам обычно такие ставят, чтобы не донимали расспросами.

– Ты гуляй больше, Саня, – учил вертолетчик. – На свежем воздухе. Нагружай большие мышцы тела...

– Чего?

– Ноги, говорю, нагружай! – Вертолетчик выкатил глаза. – И таблетки жрать перестань! От них у тебя вся беда! Понял?!

Лушников мотнул головой. Вроде бы понял.

Гирин даже смотреть не хотел в сторону Тамары Борисовны. В квартиру вцепилась – не оторвешь. Сказать об этом Лушникову, да разве поверит. На тридцатник подцепил себя моложе и доволен.

– А вы кем работаете? – обернулся он всё же к даме.

– Медсестрой...

Гирин скомкал губы, опустил глаза, соображая:

– Вот оно что. Медсестра, значить? Это для него хорошо. – И к Сергеичу: – Это как раз для тебя!

И пошел прочь, крутя головой и вроде как удивляясь чему-то.

– Кто такой? – спросила Тамара.

– С родни приходится. Летал когда-то. На вертолете...

Возле газетного киоска Лушников притормозил. Конвертов купить бы. Письмо не во что положить для сына. Но Тамара вновь уцепилась в локоть.

– Конверты... – стоял на своем Сергеич.

– У меня дома целая пачка!

– Принеси тогда. Письмецо хочу написать...

Тамара ничего не сказала на это – лишь прижалась грудью к его руке и вновь отпрянула. Разговор на уровне жестов. С Ириной у Сергеича было как-то всё по-другому. Та старалась говорить языком. Она давно разыскала бы сына. Сынок тоже хорош: появился в прошлом году на години матери, увидел, что отец связался с медичкой, и с тех пор ни слуху ни духу. А ведь Александр Сергеевич не встречную-поперечную нашел себе тоже. Медицинского работника. Ирина тоже была медиком. Первая. Родная жена.

Обойдя квартал, они вернулись к дому, остановились у подъезда. Под ложечкой у Лушниковова сосало. Проголодался. Голова уже не шумела, хотелось жить и творить: писать мемуары, встречаться со школьниками, копать землю на даче.

– Я что не пришла-то, – вспомнила Тамара. – У меня же дочь приехала с внуком. Вот такие дела... – Она опустила голову. – Даже не знаю, как теперь помещаться будем в комнате... Она ведь решила, что здесь будет жить. Неудача у нее, понимаешь, вышла в жизни.

Сергеич оживился при этих словах:

– Вопрос решаемый... Перебирайся ко мне! А дочь там пусть живет.

Тамара кивнула, продолжая смотреть под ноги:

– Жрать, небось, хотят...

– Нет, ты погоди! – встрепенулся Сергеич. – А вещи-то?! Я помогу. С дочерью заодно познакомлюсь...

– Потом как-нибудь...

Она шагнула от подъезда. Ее ждали дела.

– Конверты не забудь! – напомнил Сергеич.

Тамара качнула головой, не оборачиваясь, оставив Сергеича одного размышлять. Дома ее ждала теперь своя кровинка.

Лушников вошел в подъезд. Дом был старинной застройки: метровой толщины стены, высокие потолки. И не шумно, потому что в стороне от транспортного потока. Эту квартиру выделил областной военкомат, когда командир эскадрильи ушел со службы и вернулся в родной город.

Он отворил квартиру. Скинул куртку, ботинки и прошел на кухню. Прогулка пошла на пользу. Можно и стопку выпить. Почему нет, если делать нечего и пенсия позволяет?

Но пить он не стал, решив вначале взяться за письмо. Присел к письменному столу, взялся за ручку, задумался. И тут снова стала кружиться голова. Только что всё было прекрасно, и вдруг крыша поехала. Значит, плохи дела. Нельзя ни есть, ни пить. Ничего нельзя. И мыслить здраво тоже нельзя. Неужели против этого нет никаких лекарств? Съел, допустим, таблетку долларов за сто, но чтобы сразу полегчало. Тамара говорит, что такое лекарство давно разработано. Надо лишь слегка поднапрячься финансово.

Добравшись до дивана, Сергеич лег, понимая, что ночью опять не будет сна, если Тамара Борисовна опять не придет. Она будто слово знает. Пошепчет. Даст воды кисленькой – и бессонницы как не бывало. Но если и это перестанет помогать, то можно сесть на хлеб и воду. Этот метод непременно поможет...

Подумал – и словно в яму провалился.

Глава 2

– Берешь группу – и в дозор!.. Об остальном позже поговорим! Нашел тоже время...

Начальство отводило глаза. Опять некого послать в тайгу, кроме майора Лушников. Самое сейчас время на тропинках сидеть, а народу в отделе – шаром покати.

– Продукты на три дня... – продолжал начальник отдела. – Боеприпасы. Бронежилеты... Сядете и будете ждать. Сведения точные... Костры не жечь! – Начальник взглянул искоса и добавил: – А потом и рапорт подпишем... Удачи тебе, майор. О задании знаешь лишь ты да я. Учти этот факт и держи язык за зубами.

Лушников промолчал. Взглянул тоже искоса. В течение года не может добиться перевода – хоть увольняйся.

Полковник поднялся из-за стола:

– Вот она у меня где, эта подпольная бригада! – Он чиркнул ладонью под подбородком. – Так что на счет припасов не скупись: где три дня – там десять. А то и...

Закончить ему не дали. Дверь отворилась, в кабинет вошел заместитель по оперативной работе. Тоже полковник. Из Южно-Сахалинска недавно перевелся. Из молодых, но ранний. С наскока норовит задачи решать. Явный претендент на должность начальника отдела.

Лушников молча встал. Разрешите идти? И вышел, не говоря ни слова.

Вся остальная часть дня была истрачена на сборы. В группе четверо оперативников. Лушников в качестве старшего, пятым. И еще трое: охотовед, егерь и помощник прокурора, Заседателей, из природоохранной прокуратуры. Целое отделение набралось.

Они собрались в гараже у охотоведа Чурикова. Прикидывали, хватит ли припасов. Думали с пятого на десятое. Пришли к убеждению, что с неделю на припасах выдержать можно, и наконец, выехали. В канистрах бензин, вода. Двести километров на север, а там – залечь. Чтобы уж точно...

«Уазик» долгих два часа монотонно гудел асфальтовой дорогой. Потом дорога сменилась. Проселок. Лога и овраги. В низинах по-прежнему лежит снег. Только бы не застрять. Но бог миловал – нигде не сели. Миновали две деревни и один крупный поселок. Прошли еще километров двадцать, пока не уперлись в дебри. Здесь и решили остаться до утра, спрятав микроавтобус между косматых пихт.

Недалеко от машины выставлен парный пост.

– Кто следующий на смену?

– Прянишников...

Чайник, поставленный на переносную печь, вскоре вскипел. Собрали походный стол, нарезали хлеба, открыли тушенку. Сделали бутерброды и стали есть, прихлебывая чай из походных кружек. Лампочка в потолке едва светила.

Прянишников с Замалетдиновым закончили ужинать и взялись за автоматы, собираясь уйти в темноту. Те, что стоят сейчас у тропы, тоже хотят есть.

Водитель выключил свет в салоне.

– На тропу не выходить, – напомнил Лушников.

– Сами тут не шумите. И светом не балуйте...

Напрасные слова. Об этом все давно знают: на свет или звук может пуля прилететь. Либо могут обойти стороной. В таком случае окажутся напрасными все старания.

Смена вернулась к машине. На одежде крупинки снега. Подсели к печке и принялись ужинать при свете крохотной лампочки.

Лушников лежал на боковом сиденье. Помощник прокурора напротив. На поперечном сиденье еще один. И двое на полу, подстелив кошму и накрывшись одеялом. Только бы не упустить на этот раз. Главное – застать врасплох...

– Как вы думаете, Николай Александрович, – подал голос Заседателей. – А если они не пойдут этой дорогой? Тогда что?..

– Тогда и мы снимемся...

Присутствие прокурорского «ока» доставляло лишь одно беспокойство. На кой ему сдалось надзирать!

– Пойдут, – буркнул сонно охотовед. – Нет здесь другого пути...

И вновь тишина. Задача группы – быстро выйти к лощине при получении сигнала по рации.

Ночь тянулась бесконечно долго. Лушников то дремал, то ходил к посту, всматриваясь в окрестности. Возвращался и снова дремал в один глаз, пока под утро не уснул тяжелым сном: спал в обнимку с медведицей. Та умудрилась лизнуть его мокрым языком и сжала в порывах ласки. Стиснула так, что кости в плечах окончательно занемели.

Майор велел себе проснуться. И вроде бы уже проснулся, однако это был тот же сон. Чудно майору. Надо всего лишь подняться, но нет сил, чтобы справиться с самим собой. Словно думаешь вынырнуть из толщи воды и не можешь. Душа немеет, бьется в железных тисках и ничего не может поделать.

И все-таки он проснулся, сбросив с себя гнетущее наваждение, размял затекшее плечо. Тишина. Сумрак. Дизельная печь по-прежнему работает. Топливо убавлено, но в салоне тепло.

Вынув из бокового кармана рацию, майор нажал кнопку вызова.

– Как оно?

– Без изменений.

– До связи...

Проговорил и снова задремал, потом вздрогнул, потому что пискнула рация.

– Семеро в тайгу направляются. У них стволы. Что будем делать?

– Замри... Нам нечего им предъявить.

– Вас понял. Пропустить. – И вдруг снова голос: – У них собака... Лезет ко мне.

– Покажи ей кинжал. Если лайка – должна понять. За других не ручаюсь.

Лушников взял автомат. Чавкнув затвором, дослал патрон в патронник. Помощник прокурора проснулся.

– С добрым утром, господа...

– Ага... С добрым... – ответил сквозь зубы майор.

Охотовед вытащил из кобуры табельный пистолет. Егерь обнял нарезной карабин.

– Мимо прошли, – остановил их Лушников. – В лес двигают...

Где-то далеко лаяла с надрывом собака. Ей вторила басом вторая. Надо ждать. Всё равно туда не успеть – только шум зря поднимется.

– Как обстановка? – снова спросил он по рации.

– Прошли...

Вскоре на посту произошла смена. Оба оперативника поднялись в машину, шмыгая носами.

– Скачет передо мной, зубами щелкает. Показал кинжал – убежала.

– Вот и ладненько, – сказал Лушников. – На обратном пути надо брать...

– Ночью могут проскочить, в потемках... – усомнился помощник прокурора.

– Не так скажите, – оживился егерь. – В копчике у браконьера засвербит – он и днем побежит.

День прошел в напрасных ожиданиях. Снова пили чай. Ходили на пост, вполголоса разговаривали, спали. Выпавший ночью снег, потихоньку растаял.

Под вечер майор Лушников, прихватив снайперскую винтовку и мегафон, решил осмотреть район. Вышел из машины и двинулся вглубь тайги. Подобрался к лощине, но опускаться

не стал. Внизу, рядом с тропой, пузырился ручей. За ручьем поднимался на той стороне кедровник.

Шагая вдоль склона, Лушников в одном месте спугнул зайца. Тот кинулся косогором и скрылся из виду. Сорока в отдалении зашлась криком. Должно быть, заметила беглеца и решила поиздеваться вдогонку. Либо это мог быть человек.

Лушников затаился, припав к дереву и глядя вниз, но так никого и не дождался. Потом обошел густой подлесок, делая крюк и удаляясь от косогора, и снова вышел к лощине, оказавшись в тылу у поста наблюдения. Оперативники сидели в небольшом углублении, под пихтой. Среди зарослей виднелись их спины. Подчиненные его не заметили. Вероятно, увлеклись разговором. Лушников наступил на валежину, хрустнул сучком, пугая молодых лейтенантов. Те обернулись. На лицах страх.

Майор нырнул к ним в укрытие и стал бормотать вполголоса:

– Один смотрит вперед – другой назад. Хоть леж, хоть стоя... Тогда вас не застанут врасплох.

Ребята молча соглашались. Лица синие. Застыли без движения.

– Идите в машину, погрейтесь, – велел майор. – Я один посмотрю. Потом по графику.

Оперативники поднялись и пошли в полный рост к базе.

Тихо под пихтой. Мягко. Внизу темнеет меж деревьев тропинка. Можно век просидеть здесь и никого не дожидаться, если браконьеров опять предупредили. Такое уж было... И трижды будет. И четырежды. Время такое... Минули вот уже сутки, как сводный отряд торчит в лесу.

Тропинка внизу пряталась за деревьями. Никого. Пост могли давно обойти. Но сорока вдруг опять всполошилась, прогнав дремоту, – спасайся кто может!

Интересная птица: что видит, о том и кричит. Лушников перехватил винтовку у ствола под ремень, отполз от косогора. Затем поднялся и двинул в сторону сорочьего треска. И вскоре увидел внизу, среди редких высоких осин, нескольких человек. По привычке стал считать. Полтора десятка набралось. Каждый тащил на себе мешок, оружие. Лучшего места для задержания не придумать.

Пригнувшись, он отошел от косогора и стал монотонно проговаривать в микрофон. Видит столько-то. Поднимаются вдоль ручья и скоро будут. После этого велел разделить на две группы и залечь у тропы – у схода в лощину. Рассеяться и ждать.

Браконьеры двигались кучно, не растягиваясь. Пропустив их, Лушников стал опускаться в лощину, стараясь не задевать ветки.

Мужики с мешками поднимались в верховья лога. Хорошо идут. Торопко. Сразу видно, привыкли к большим переходам.

Ручей монотонно ворчал. Лушников нашел узкое место, перепрыгнул через него и, миновав пустынное пространство, пошел вдоль тропы, прячась среди кедров. Следовало сокращать расстояние, оставаясь незамеченным.

Тропинка тянулась кверху. Лог почти что закончился. Майор припал к прицелу и тут же увидел, что на него смотрит в бинокль Прянишников.

Лушников поднял большой палец к небу и упер себе в грудь. Пора. Майор выходит из укрытия.

Он вышел из-за дерева, поднося ко рту мегафон. Устройство громко кашлянуло – браконьеры остолбенели:

– Всем оставаться на местах! Гарантируем безопасность, справедливое разбирательство! Оружие положить на тропинку, отойти вперед!

Вот он – фактор неожиданности. Мешки повалились с плеч.

Однако испуг быстро прошел. Один из путников бросился вперед, передернул затвор. Торопливая очередь ударила по кедром, земле и близкому косогору. Потом еще раз. С деревьев сыпалась хвоя.

Лушников вжался в землю у дерева, лоя автоматчика в перекрестье прицела. Стрелок стоял во весь рост, раскорячив ноги.

В плечо толкнуло отдачей. Стрелок взмахнул руками и упал на спину, задрал ноги. Остальных это не отрезвило. Вразнойой клацнули затворы. Лушников успел спрятаться за кедр. И в этот момент сверху ударила его группа – кому в ногу, кому в грудную клетку. А кого и в самую верхнюю кость...

Браконьеры моментально одумались. Кричат изо всех сил, вразнойой, да их не особо-то слушают. Не работают уши в суматохе боя.

– Лежать! Не двигаться! – гремел Лушников в мегафон. – Ползком! Кверху! Без команды не вставать!..

Браконьеры упали на землю. Счастье – это когда пули не жужжат. Оставив оружие, они полезли к райской вершине, виляя задницами.

Первый тут же попал под раздачу: прокурор Заседателев бросился к нему первым, вопя по-звериному, – и вонзился ботинком в физиономию.

Пленник, как видно, не возражал: лучше так. На худой конец – задницей в костер, чем с прошитыми насквозь мозгами.

Прокурору не мешали, и тот быстро устал. Сказывался стресс и ранение кисти. Взбил тело поверх костей и отошел, часто дыша и свирепо оглядываясь.

Живых окружили, держа под прицелом. Прянишников распорядился надеть им наручники, заведя руки за спину.

Лушников поднимался из лога. Обошел вокруг тех, что остались лежать, и двинулся дальше.

Прянишников с Замалетдиновым собирали оружие, носили кверху. Остальные оставались в оцеплении. Собрав оружие, стали перевязывать раненых.

Милиционер-водитель щупал пульс у сраженного наповал браконьера, держа в руке пистолет. А тот вдруг дернулся с ножом в руке, норовя зацепить прапорщика, но выстрел из пистолета его опередил. Остальные на самом деле оказались мертвы.

Майор сел на поваленное бурей дерево. Винтовка между ног, прикладом в траву. Глаза бы не видели такую жизнь. Теперь точно застрянешь на полгода: допрашивать будут все кому не лень – как да почему.

Рядом опустился помощник прокурора с опухшими кулаками.

– Что у тебя, Заседателев? – спросил Лушников, поворачиваясь.

Рана оказалась незначительная, словно на острый сучок запястьем наткнулся. Майор вынул из кармана индивидуальный пакет, приготовил шприц и ввел человеку лекарство. Потом пояснил:

– Два в одном... Против заражения и против стресса.

Наложил повязку и после этого успокоился.

Заседателев пригладил рыжие волосы, плюнул под ноги. Потом достал пачку сигарет с зажигалкой и протянул.

– Утощайся, Александрыч...

Они закурили, глядя в низину.

– Теперь я знаю, как на самом деле бывает, – сказал Заседателев и замолчал.

Группа захвата действовала ритмично, без беготни. Двое наблюдали за пленниками – те сидели теперь на земле, согнув спины. В отдалении от них лежали громадные рюкзаки. Остальные сотрудники занимались оружием. В перчатках. Разряжали стволы и складывали рядом с машиной.

Опер Прянишников подошел, сел рядом, блуждая глазами по лесу:

– Бой записали на видео. Что дальше?

– Доложу шефу, а этих сейчас допросим... – И к Заседателю: – Как вы на это смотрите?

Тот смотрел положительно. Главное – определить, кому что принадлежит.

Взялись за первый мешок. Развязали. Волосы шевельнулись на голове у майора: мешок был набит медвежьими лапами. В другом оказалась шкура дальневосточного леопарда.

Помощник прокурора вскочил и метнулся было к задержанным, но Лушников его удержал. К чему теперь лишнее кровопусканье!

– Суки! Гориллы! – орал Заседатель. – Их всего тридцать штук осталось в природе! – Чей мешок?!

Пленники смотрели в землю. Нашел дураков, чтобы ему просто так отвечали.

– Дальневосточный леопард... – продолжал прокурор. – Чей мешок, спрашиваю?! Ничего. Разберемся... – Он угрожающе понизил голос. – Последнего мамонта – и того в лоскуты порвете... Рассказывай, кот помоешный!.. – Он ткнул носком ботинка в задницу одному. – Куда делась опергруппа?! Зимой?!

Однако тот молчит, словно каменный. Молчат и остальные. Вместе им всем теперь хорошо. На миру и смерть красна.

Заседатель обернулся к Лушникову, отвел в сторону и зашептал растерянным голосом.

– Что делать-то будем?

– Импровизировать... Только не задавай лишних вопросов...

Тот понял с полуслова. Время не ждет. Оно уходит безвозвратно, и с каждой секундой приходит в себя браконьер.

Лушников подошел к задержанным:

– В молчанку сыграть надумали? Ну, молчите. Это ваше право... Но я должен вас предупредить: сейчас будет море крови, океаны страданий. Потому что я за себя не ручаюсь. – И к Прянишникову? – Приготовь сыворотку...

– Так это... В машине же всё лежит. Разбавить вот только нечем...

Лушников обвел местность взглядом, уперся в ручей с мутной весенней водой.

– Нечем, говоришь?! Разбавить?! – удивился изо всех сил. – А это у нас что?! Не вода?!

– Надо бы вскипятить. Дело в том, что бактерии...

– Обойдутся! Несите мне хоть из лужи. Разбавим и вколем сразу по кубику, запишем показания... Кто не сдохнет – тот останется жить. Некогда нам кипятить! Тащите этого первым!

Он ткнул пальцем в мужика с разбитой рожей. Не везет человеку. Опять под раздачу попал.

– Чо я-то?... – хрюкнул тот.

Но ему не ответили, подхватили за перехваченные за спиной руки, дернули вверх, и тот побежал, стараясь уйти от боли в суставах. Возле машины притормозил. Перед ним открыли дверь, и мужик заскочил внутрь.

Оперативники, не торопясь, принесли из другой машины огромный шприц и набрали из ручья воды. Браконьеры насупились, пригнулись к земле. Таким устройством крупный рогатый скот врачуют, но ментам, как видно, наплевать на здоровье задержанных. В них же стреляли! Теперь они отыграются...

Допрос при помощи шприца оказался на редкость быстрым. Минут пять ушло всего. Допрошенный выбрался из машины и брякнулся на колени – с кляпом во рту. Его подняли, отвели подальше и пристегнули в обнимку к матёрой берёзе.

Пленники пристально наблюдали за происходящим.

– Чо вы ему рот-то законопатили? – спросил самый смелый.

– Покусать себя может! От сыворотки!

– Возьмите меня – я сам расскажу!

Просьбу удовлетворили. Подняли и повели.

Остальные сверлили добровольца глазами. Однако тому после допроса рот не заткнули, но к дереву пристегнули.

Помощник прокурора в салоне орудовал лично. Оперативник записывал показания на камеру. Протокол велся только по самому основному – когда, в каком месте и в присутствии кого совершали то или иное действие. Оказалось, что полицейскую группу подкараулили зимой, когда та шла по следу. Потом продолбили в реке прорубь и сунули трупы под лед – оттого и не нашли никого, что течением унесло в океан.

К машине подвели следующего. Браконьер оказался податлив и говорил, косясь на огромный шприц с мутной жидкостью. Бывший охотник Сережа, как образец неудачника, теперь лежал на земле возле дерева. Его выворачивало наизнанку. Из рта шла пена.

Допросы под конец закончили, после чего приступили к осмотру мешков. Развязали их все, вытряхнули содержимое. Это были шкуры животных, медвежьи лапы для переброски в Китай. Говорят, если съесть суп из медвежьих лап, то станешь великим и могучим – по каким-то китайским поверьям.

В одном мешке нашли еще один мешочек. Брезентовый. Набитый желтым металлическим песком. В тайге всё есть – и шкуры и золото. Надо лишь уметь искать. Вот только охота и мытье золота как-то не вяжутся между собой. Золото могли прибрать к рукам, забрав у кого-то другого. Как не забрать, когда мимо носа плывет. А косточки бывшего владельца лежат теперь где-нибудь под корягой в болоте.

Закончили с осмотром, составили протоколы. Дали подписать понятным – егерю и охотоведу. Их трясло от случившегося: встреча в лощине оказалась кровавой. От тех, что остались в живых, жди теперь удара в спину. Хоть через десять лет, хоть через двадцать. Известное дело – месть. Знакомое дело – тайга. Говорят здесь ласково, словно бы нехотя. Но кирпич за пазухой держат. А ведь был здесь когда-то порядок. И медведей ради одних только лап не добывали...

День клонился к концу, в лесу начинало темнеть, однако обещанных машин из города так и не было.

Задержанных свели в одно место. Каждый из них о собственных показаниях молчал. Одним лишь оперативникам известно, как они вели себя на допросе. Шприц помог.

– Можешь не стараться, – бубнил Заседателев, когда очередной задержанный садился перед ним к раскладному столу. – Сейчас ты нам всё расскажешь... – и косился в сторону ветеринарного шприца. Тот лежал на сиденье, блестя толстой иглой. – Сыворотка правды любому развяжет язык.

До шприца, естественно, дело не доходило. Его и не думал никто применять – вид инструмента действовал безотказно.

На ночь решили занять круговую оборону. Задержанных кучнее – сами по бокам. Но тут подошел грузовой автозак, за ним – зеленый обшарпанный «Уазик». Браконьеров заставили таскать трупы и класть в «Уазик». Мужики не сопротивлялись, о правах не вспоминали.

К ночи тронулись в обратный путь. Вошли в бывший леспромхоз – темнота стоит в окнах. У выхода заметили группу людей с ружьями, здесь были и женщины. Толпа расположилась на дороге и глядела в сторону машин.

Намечалась очередная бойня.

Лушников велел приготовиться:

– Без остановок! Даже если будут стоять на дорогах!

Машины двигались на пониженных передачах.

Впереди продолжали стоять, потом, видно, поняли: не остановятся перед ними. Толпа отступила к обочине, не скрывая оружия.

Глава 3

Сегодняшний день был такой же, как и вчера. Никаких изменений в лучшую сторону. От сына тоже никаких вестей, хотя Тамара Борисовна чуть не каждый день бегаёт на почту и отправляет на остров заказные письма. Квитанцию принесет, покажет – и снова в карман. Квитанции, говорит, нужны ей для отчета, поскольку Александр Сергеевич теперь вроде как на обслуживании в ООО «Небесные дали», хотя никакого договора пока не подписывал. И даже не думал пока что на эту тему.

Он поднялся с дивана и двинул на кухню, ловя себя на мысли, что ходит теперь в полу-согнутом состоянии. На кухне он устался в передний угол и стал молиться суровому богу. Лик у боженьки посветлел, по щекам пробежала волна.

Александр Сергеевич удивился: почему щеки белые у Христа? И откуда волны? Потом до него дошло, что с глазами у него не в порядке. Он прищурился и стал внимательно смотреть. Старая закоптёлая икона стояла на самом верху кухонного гарнитура, в углу. Она от Ирины досталась. А той – от родни, от Гириных. Сегодня Ирина опять летала в самолёте, но не над джунглями, а над болотом. И снова кричала:

– Чем ты думаешь?! Нежели до тебя не доходит?!..

Александр Сергеевич после таких вопросов сразу проснулся и долго не мог уснуть. Слишком уж темные получались вопросы, непостижимые. Словно подсказать что-то хочет Ирина, хотя Александр Сергеевич и без подсказок знает, что дело швах: за какие-то месяцы свернуло в вопросительный знак. Аппетита нет. Голова шумит. То у него беспробудный сон, а то вдруг блуждание по комнатам. Диагноз – старческая болезнь. Дистрофия мозга...

Квакнул квартирный звонок, и Александр Сергеевич вздрогнул. А ведь раньше не дрожал, по первому сигналу бежал к самолёту, садился и взлетал.

Он развернулся от иконы и пошагал к двери. На углу он едва не упал – слегка занесло.

– Кто? – спросил тусклым пещерным голосом.

– Не бойся! Я свой! – бойко ответили из-за двери. Кажется, Гирин.

– Сейчас открою. Ключи потерял...

Проговорил и отошел за ключами, вернулся неспешно.

– Уснул там, что ли?! – орал Гирин. – Обоссешься с тобой, пока ждешь!

Дверь отворилась. Гирин толкнул ее, отодвинул с пути хозяина и побежал в туалет, не оглядываясь. Закончил дело и вышел со счастливым лицом. Потом прошел в зал, сел в кресло. Нисколько не изменился. Крепенький, низенький, кругленький. Обычный майор-вертолетчик. А что ему будет, если он теперь не летает.

Александр Сергеевич, шаркая тапками, подошел, сел напротив. Мимо дивана не промазал – и то хорошо.

Гирин в удивлении хмыкнул: виделись вроде недавно, а кажется, что вечность прошла – одни уши остались от «истребителя».

– Как дела? – спросил Лушников.

– Нормально! У тебя-то как? Собрался на списание?! И сынок, выходит, не пишет... А ты ему сам-то писал?! Звонил, я спрашиваю?!

Гирин нарочно говорил громко, будто Лушников плохо слышит.

– Какой я писатель.... Тамара пишет...

– Кто такая?! – прикинулся Гирин.

У Александра Сергеевича на лице мелькнуло подобие улыбки. О гражданской жене забыл, а еще друг называется...

– Филькина у нее фамилия, – напомнил Сергеич. – Медсестра из поликлиники. Живем с ней...

– Да что ты говоришь! А я и не знал! Она хоть ночует когда?!

– Раньше ночевала, – признался Лушников. – Теперь нет. Укол сделает, посидит немного... Дела у нее тоже, дочь приехала.

Гирин тяжело смотрел на товарища. Был человек – и не стало. Одна видимость сохранилась пока что.

– Почему он не пишет, Колька-то? Почему не звонит? Неужели ему не стыдно?

– Не могу сказать...

– Может, он до сих пор не в курсе?! А ну, взгляни сюда! Что ты глазами елозишь?! Сотворил с квартирой?! Пожертвовал?!.. А медсестра?!.. Какую она роль играет в твоей жизни, Санёк?! Тоже не можешь сказать?!

– Не могу...

– Ясненько!.. Чем тебя потчуют?

– Чего?

– Чем, говорю, лечат?!

Александр Сергеевич выкатил глаза:

– Чем лечат... Как и всех! Таблетками, уколами. Разве я виноват, что внезапно захворал.

– Можешь не оправдываться...

Гирин оттопырил нижнюю губу, живо соображая. Для начала надо связаться с сыном. А потом и к подружке присмотреться.

– Дай мне его адрес – я ему сам напишу! – потребовал Гирин. – Что-то здесь не чисто! Не может он молчать!

– В живых, может, нету. Тамара говорит...

– Наскажет тоже! Больше слушай!

– Не трогай мою жену! – оцетинился вдруг Сергеич.

– Пошел-ка ты знаешь куда?! – Гирин подпрыгнул на месте. – Ирину твою знал, а эту не знаю и знать не хочу! Адрес Николашин гони! И телефон, пока я в психушку не заявил...

Напрасно просил Гирин. Ничего не сохранилось у старого перца. Словно не писали ему никогда. Перерыв все бумаги в письменном столе, Сергеич развел руками.

– Интересно! И тебя это вроде как не смущает...

– Сам не могу понять, – трясся над бумагами Александр Сергеевич. – Вроде здесь были.

– Напряги извилины! – орал Гирин. – Как можно забыть адрес сына?!..

Оказалось, тот переехал в другой город, и адрес выветрился из головы. Область Сахалинская. А город, кажется, Кыш. Александр Сергеевич ничего не мог больше вспомнить. Как отшибло. Даже фамилию стал свою забывать.

– Ладно, пойду! Засиделся я у тебя! – решил Гирин. – А ты сиди и вспоминай. Город Кыш? Ну, ладно. Хотя бы так.

Гирин пожал Сергеичу руку и двинулся к выходу. У двери остановился, ткнул пальцем хозяину в грудь:

– На твоём месте я бы подумал – стоит ли употреблять эти лекарства? Особенно в твоём положении. Ты же у них вроде нахлебника...

– Как это?

– А так, что какой им с тебя теперь толк. Так себе, одна маята...

Александр Сергеевич выкатил глаза.

– А ты бы как думал?! – продолжил Гирин. – Рады они, что ли, ещё одному иждивенцу?!

Лушников пожал плечами.

– Вот и я думаю, что не рады. Так что уж ты постарайся... Чтобы раньше времени в ящик не сыграть, а я тем временем Николая буду разыскивать...

– Как же ты будешь искать?

– Не о том думаешь, Саня... Ты ночью-то не открывай! Никому! Даже супруге этой... Тьфу! Язык не поворачивается...

Кажется, Гирин знал, о чем говорил. Александр Сергеевич затворил за ним дверь, вернулся в зал и сел на диван. Что-то быстро срубила его болезнь. И, что характерно, в сон постоянно тянет. Врачиха, что работает с Тамарой Борисовной, утверждает, что это вроде как возрастное. У врачихи огненно-рыжие волосы. А в ширину она, эта дама, – прямо кадушка. Пришли недавно и давай обрабатывать – подпиши договор и всё. Тебе же легче потом станет. Обещали добавку к пенсии, медицинский патронаж, телевизор. И копию договора обещали подвезти. Впрочем, договор не к спеху. И телевизор тоже не к спеху: свой хороший. Да и смотреть там нечего, одна реклама: «Настает дачный сезон, а у тебя артрит! Купи немедленно «нестарит»! Одна надежда – весна и дача! Надо лишь выехать и трудиться в меру сил.

Он посмотрел на настенные часы: секундная стрелка бежала по кругу. Три часа дня. Филькина должна опять подойти. Но нет к ней былого трепета. Придет, хвостом вильнет – и снова за порог. Словно у нее семеро по лавкам.

Кажись, опять скребется за дверь. Сергеич напряг слух. Встал и пошел к дверному глазку. Действительно, стоит. В сумках роется. Лекарство, видать, забыла.

Пардон, ошибся. Филькина вынула из сумки сотовый телефон и тихонько пошла от двери. Затем вжалась ухом в трубку и произнесла фразу, от которой мурашки по спине: Сергеич слушал, стоя на сквозняке.

– Я на объекте... – бормотала Тамара. – Иждивенец, повторяю, давно созрел!..

Последнюю фразу она выкрикнула, вероятно, от наплыва чувств.

Вот оно! Иждивенец! Нахлебник!.. Ваня Гирин как в воду смотрел.

Сергеич тихо прикрыл дверь и защелкнул замок. Тамара на площадке продолжала чирикать. Ну и шельма!

За дверь вновь послышался шорох. Потом прозвенел квартирный звонок. Лушников не знал, что делать. Пригрел змею... Потом вдруг кашлянул:

– Кто там?

– Я это, Сашенька...

Сергеича передернуло: нашла дурачка! Открыл дверь и пристально посмотрел в лицо. Не для того договаривались, чтобы бросать в одиночестве.

– Как ты? – спросила Филькина. А в глазах холод.

Лушников прошел в комнату, но виду не подает, что слышал разговор. Он и про мобильник впервые узнал. И она еще говорит, что концы с концами едва сводит.

Филькина села на краешек стула. Опять ей некогда. Укольчик в жопу – и бегом по асфальту.

– Знаешь, мне тоже некогда, – сказал Александр Сергеевич.

– Ты что это, Сашенька! Разве же можно тебе?..

– Нет!

– Что с тобой?

Но тот был неумолим. Некогда ему тоже сегодня, решил в баньку сходить, попариться...

– Тогда подпиши бумагу, что отказываешься от инъекций! – твякнула Филькина. – Чтобы никто за тебя не отвечал!..

– Вам надо – вы и подписывайте. Где квитанция об отправке письма?

– Какого?! – встрепенулась Филькина и глядит святыми глазами. Словно впервые слышит. Но потом спохватилась: – Ты не веришь мне, что ли?!

– Не надо, Тома... Дай квитанцию, чтобы я знал. Почему мне не отвечает никто?

– Это ты у него спроси.

– Приедет – спрошу.

– Ага! Приедет он тебе! Жди!..

Лушников тихо радовался. Тепличное растение. Синичка тощая. Клювиком шелк-шелк. Крылышками порх – и полетела! К себе в гнездо.

– Не будешь писать, что ли, расписку? – напирала та.

– Не обязан!

– Ветеран хренов...

– Вот как ты запела?! В таком случае можешь идти. В вашей помощи более не нуждаюсь.

Тамара Борисовна подхватила в коридоре сумки и кинулась из квартиры, хлопнув дверью. Та отскочила от косяка и осталась в таком положении.

Александр Сергеевич подошел, выглянул в пустой коридор и закрыл дверь на защелку. Бегают тут со шприцами, а он им должен заднюю часть подставлять.

От ссоры у него даже появился аппетит. Давно надо было поругаться. Подошел к холодильнику, вынул колбасу, налил себе стопку. Тут же ткнул, не садясь за стол, отрезал кусок колбасы и пошел с ним по квартире, косясь по углам. Он еще покажет этой шельме.

Потом собрался, взял паспорт, наградные документы, договор на телефон, и пошел на улицу. По пути зашел к Гирину. Тот оказался дома. А через полчаса они уже очутились в ООО «Электросвязь».

Разговор у Гирина с дамой за стеклянной перегородкой оказался короткий. Если не вернете самовольно переставленный телефон – завтра же уйдут четыре «телеги». Одна в суд, другая в прокуратуру. Третья – президенту страны. А четвертая – в Гаагский суд. Почему так? А потому, чтобы неповадно было фронтовиков обижать. Нашли себе под силу.

Дама за стеклом морщила лицо. Странно ей это слышать, потому что не может такого быть, чтобы телефонную точку перебросили какой-то Тамаре Борисовне. Но обещала помочь. Прямо сейчас.

– Телефон имеется. Провода есть, а разговора нету, – утверждал Лушников. – Вот мои документы.

Он протянул в окошко квитанцию об оплате и договор.

Дама посмотрела в компьютер:

– Самовольство какое-то. Разберемся сегодня же... Идите домой.

– Спасибо... ..

Друзья развернулись и гордо пошли к выходу.

– Я их поставлю в позицию! – грозил Гирин. – Моду взяли командовать!.. Идем ко мне, оттуда будем звонить, потому что под ними же не течет. Их если не тревожить – долго история протянется.

Вернулись к Гирину в квартиру. Два раза всего позвонили. А на третий им сообщили, что зря расстраивались. Телефонную пару кто-то перекинул случайно – вот связи и не было. Можете пользоваться.

Друзья довольны. Хоть маленькая, но победа. И двинули в квартиру к Лушникову. По пути тот сознался, как в действительности дело было. Пожертвовал телефон для подружки. Слезно просила.

Гирин беззлобно ворчал:

– Подари еще чего-нибудь. Тебе ж ничего теперь не надо. У тебя же никого нет...

И Александр Сергеевич окончательно раскололся. Поведал о сотовом телефоне и разговоре на лестничной площадке. Двойную игру играла с ним шельма.

– Сейчас так... – соглашался Гирин.

Пришли к Сергеичу в квартиру. Первым делом проверили связь. Телефон работал исправно. И даже вроде как лучше сделалась слышимость.

– Пусть мобильником наслаждается, – ворчал Александр Сергеевич. – Откуда у нее деньги на крутой мобильник взялись? От сырости, что ли?

Но Гирин подвел черту:

– От сырости одни мокрицы заводятся. Давай тяпнем. Есть у тебя, а то я сбегаю?..

И пригляделся в лицо друга. Бледный как смерть. Нос и уши. Но в духе нормальном.

Сергеич достал початую бутылку. Нарезал колбасы. Вынул огурчиков, рыбку из банки – и тут вспомнил, что не пил пока что лекарство, а вспомнив, привычно потянулся к подоконнику, собираясь проглотить чуть не горсть розовых таблеток. Он даже рот успел разинуть, да Гирич опередил, уцепившись мертвой хваткой в запястье.

– А ну дай сюда! – требовал он. – У тебя есть аннотация?..

– Была где-то... – Сергеич бросился искать бумажку, но не нашел.

– Трескает за обе щеки и радуется! – ворчал Гирич. – Извини, но так дело не пойдет...

Для чего тебе это надо – можешь ты объяснить?!..

Лушников хлопал глазами.

– Болит у тебя голова? – подсказывал Гирич.

– Нет...

– Тогда в чем дело?

– По привычке.

Гирич убрал себе в карман подозрительные таблетки.

– В аптеку зайду, спрошу, – пояснил он. – А Тамаре этой скажи, что пользуешься, если будет звонить. Впрочем, куда она денется! Непременно позвонит...

Лушников наполнил рюмки:

– За весну. Чтобы на дачах росло...

– Принеси договор – почитаю, – попросил Гирич.

Лушников замер с открытым ртом: нет у него никакого договора. Завещание есть! Он хорошо помнит, что подписывал бумагу, что квартира, если что, уходит Тамаре.

– Здорово тебя обломали... – сказал Гирич нюхая водку из рюмки. Потом выпил и сморщил лицо, планируя. Сейчас они закусят, потом позвонят крестнику. На то Гирич и крестный отец, чтоб тревожиться.

Неторопливо, с расстановкой, они допили бутылку и подались в зал.

– Какой, говоришь, город? Кыш?

Гирич придвинул к себе телефон. Поднял трубку, щелкнул кнопками.

– УВД Южно-Сахалинска, пожалуйста...

Положил трубку и стал ждать. Хоть там и ночь теперь, но дежурная часть должна работать. Сергеича от выпитого разморило: сидит на диване, опустил безвольные руки и дергая головой в полудрёме.

– Ложись, – велел Гирич. – Я разбужу...

Сергеич лег и вытянул ноги. Хорошо на свете жить, когда у тебя никаких проблем. Прикрыл глаза усталыми веками и тут же уснул. И не слышал, как Гирич разговаривал по телефону с оперативным дежурным Сахалинского ГУВД. Как требовал, чтобы сообщили место службы майора Лушникова. Как просил и доказывал, ссылаясь на крайнюю необходимость – болезнь отца. Ему обещали принять все меры. И даже продиктовали номер телефона управления кадров, но сделать что-то еще там не смогли: на острове было раннее утро. До начала работы – целых три часа.

Гирич поблагодарил дежурного, положил трубку и тоже вытянул ноги, развалился в кресле. Узнать бы, где служит крестничек, а потом позвонить прямо на службу. Что же ты, Николашенька, отца позабыл, не звонишь, не пишешь?!

Время едва тянулось. Гирич поднялся, включил телевизор, сразу убавив громкость. Шел какой-то сериал. Питерские оперативники ловили бородатого бандита. Тот, вылупив глаза, неся от них сломя голову. Навстречу выскочили из-за угла еще трое, в штатском. Заметив их, беглец метнулся в обратную сторону.

– Попался... – ехидно заметил Гирин, в то время как бородатый не думал останавливаться. Он думал прорваться. И прорвался бы, не угоди он навстречу оперативнику. Тот предплечьем бац по горлу – беглец и упал...

– Ой-ёй-ёй! – Картина ударила Гирина в пятки. – Теперь колоть будут, пока горячий...

Досмотрев фильм, Гирин вновь подступил к телефону. На острове быстро поняли, в чем речь, и просили подождать.

– Есть такой, – радостно сообщили. – Записывайте место работы...

Гирин записывал. Город Ныш Сахалинской области. Есть такой населенный пункт на карте необъятной родины.

– Не Кыш, а Ныш... Именно... Понял вас...

– И телефончик тоже запишите. Дежурная часть... Записали? Всего вам хорошего. Звоните, если что... Всегда рады помочь.

Вскоре Иван Иванович говорил с крестником.

– Дела наши, – говорил он напрямую, – идут так себе. Короче, попал под влияние местного фактора. Не так болен, сколько ему тут диагнозов понаставили. Без Ирины ему хреново... Что делать-то будем, крестничек?

Николаша отвечал торопливо. Словно чувствовал, что с отцом непорядок, потому и занялся переводом на материк. Рапорт о переводе подписан. Через неделю должен покинуть остров.

– Поглядывай за ним, дядя Ваня, – наказывал он. – Очень тебя прошу!

– Как скажешь... – обещал Гирин.

И отключился. Недолго осталось ждать. Приедет – прочистит этому мозг... Ружейным маслом...

Глава 4

Начальник районного отдела полиции Гаевой Алексей Иванович проводил оперативное совещание. В совещании участвовал также следователь Ким Ли Фу.

Гаевой нервничал. Опять убийства. Одним выстрелом в голову. Как сказал следователь, строго в репу, без контрольного выстрела.

Старший опер Драница взял со стола снимки и стал рассматривать. Оба покойника находились в позах, как их застала смерть. Это был хозяин квартиры и какая-то женщина. Мужчину словно бы не кормили полгода, прежде чем лишить жизни.

– Издевательство над мумией... – заметил следователь. – Он бы сам скончался.

– Не факт, – сказал Драница. – Тошние обычно долго скрипят.

– Возможно, – согласился Ким. – Так что вот вам мое постановление о розыске... Я на вас надеюсь, Петр Данилович... Распишитесь, пожалуйста, в копии.

Ким говорил без малейшего акцента. И даже лучше, чем некоторые русские люди. Это был обыкновенный русский тип, только с характерным восточным лицом. Его и звали в основном по-русски – Лёней либо Леонидом Федоровичем.

Гаевому до пенсии не так далеко, но разве же при таких обстоятельствах до нее доживешь.

– В общем – опять у нас пруха!.. – вздохнул он тяжело. – Голимая мокруха и глухари. С чего мы начнем? Есть предложения?

– Пока нет, но мы постараемся, – брякнул Драница. – Соберемся отдельно, обсудим...

– А-а! – сморщился Гаевой, оглядывая сотрудников. – Обещать с перепугу все мы горазды... Казанцева, а где у нас Голещихин? Порошин, Скворцов? Летают опять где-то? Что говорит экспертиза? Люткевич? Он же у нас специалист по раскрытию. Не выходя из кабинета, говорят, раскрывает...

– Было... Два раза...

– Вот и найдите мне его. За одно и этих пригласите. Через полчаса опять собираемся. Поговорим, подведем итоги. Ли Фу прошу задержаться. Садитесь сюда поближе...

Вскоре «высокое совещание» вновь собралось. Теперь в полном составе, за исключением начальника отдела розыска. Вакантна его должность пока что. Драница исполняет обязанности начальника отделения, но не видно от него отдачи. Инертен. Ему одному нравится работать, чем руководить и направлять.

Гаевой обвел присутствующих взглядом поверх очков – на этот раз все собрались.

– Прошу тишины. – Алексей Иванович сморщил лицо. – Повторяюсь, мы имеем обыкновенных двух глухарей. Двойное убийство. Без этих самых. Без жестокостей и мордобития. Умертвили хозяина и его подружку Анну Степановну. Она в соседнем доме живет. Иногда, говорят, заходила – полы помыть, суп сварить. А может, еще зачем...

Проговорил и сверкнул глазом в сторону Казанцевой. Та опустила нос к столу.

– Об остальном нам мало известно, – продолжил начальник. – В общем, у старика у этого, кроме квартиры, ни кола ни двора. Тысяч нет ни на сберкнижке, ни под матрасом... Хорошо искали?

Криминалист Люткевич ответил за всех:

– Искали, но не нашли.

– И если мы примем во внимание этот факт, а так же то, что обе жертвы не имеют на себе признаков пыток, то можно сделать вывод, что их просто убили. Без корыстных на то побуждений.

– Совершенно верно, – согласился Люткевич. – Нет ни следов борьбы, ни следов обыска квартиры. Ничего там не искали, а то бы обязательно оставили следы рук.

– Или ног, – добавил Драница.

– Может, и ног. От них тоже следы бывают. Даже в первую очередь. Если присмотреться, то каждый поймет, что по воздуху мы не летаем.

Гаевой хлопнул ладонью по столу:

– Может, не будем препираться? Вы лучше скажите, в чем причина убийства. Как эксперт. Можете высказать свои соображения?

Люткевич не смог. Откуда ему знать. Он лишь исследует факты.

– Когда у нас будет начальник отделения? – спросил Драница.

– Будет! – встрепенулся полковник. – Будет вам и начальник! Будет вам и новая зарплата... Вы же теперь не милиция, вы же теперь сплошь полицаи...

Полковник Гаевой, как обычно, иронизировал. Им о деле толкуешь, а они все о разном. Пришлось вновь хвататься за утерянную нить совещания. Убийство! Что за ним стоит?! Кто исполнители?! Кто заказчики?! Не может такого быть, чтобы к человеку пришли в квартиру и уложили двоих.

– Где у нее платье? – оживился Гаевой, глядя на снимок. – С собой утащили? На платья кидаться стали? Что-то не верится...

– В спальне осталось, – пояснил следователь Ким. – И нижнее белье там же.

– Понятно. А хозяин квартиры? Чем он раньше занимался, прежде чем стать одиноким? Что наработали с момента?

Оказывается, ничего. Никакой зацепки. Одинокий мужчина. Никаких богатств, кроме пенсии и квартиры.

Полковник поднялся из-за стола, пошел вдоль кабинета. Продолговатое помещение располагало к подобным прогулкам. Гаевой ходил и раздумывал. Как это понимать, что никакой зацепки? А квартира?

– С кем потерпевший общался, кроме подруги? – остановился он возле стола. – Пробовали узнать? Кому отходит его квартира? Была ли приватизирована?.. Ищите, кому это было выгодно. Вот на что надо делать упор – на выгоду. Думаю, вы меня поняли. Отправляйтесь. И связь держите со следователем. Все свободны...

Гаевой сел в кресло. Поднял трубку, прижал к уху, потом стал нажимать кнопки, не глядя на подчиненных.

– Товарищ полковник? – спросил он. – Гаевой беспокоит... Докладываю по поводу уголовного дела по факту убийства. За прошедшие сутки...

Народ вышел от начальства и рассосался по рабочим местам. Ким Ли Фу – в следственный отдел. Криминалист – в лабораторию. Остальные собрались в кабинете Драницы.

– Короче, – проговорил тот, щуря глаза. – Кто такой потерпевший, мы и так знаем. А вот квартирой действительно надо заняться. Кто пойдет в домоуправление?.. – он покосился в сторону закрытой двери: – Однозначно, Гнедой туда не пойдет...

Гнедым за глаза называли начальника отдела, о чем Гаевой вряд ли догадывался.

– Значит, туда пойдет Алыш, – продолжил Драница и хлопнул себя в грудь ладонью. – Подумал и опять продолжил, с расстановкой: – Голещихин сходит в департамент по регистрации сделок с недвижимостью, Скворцов двинет в бюро технической информации. Остальные – на свое усмотрение. Вперед и с песней. Песня – «В путь». После обеда, ближе к трем, снова встречаемся. Подводим итоги, кто чего накопал. Действуем энергично, иначе с нас шкуру спустят... Кстати, говорят, гнедой и алыш, это одно и то же.

Проговорил и взялся за телефонную трубку, косясь в широкое настенное зеркало. Дал бог рыжим на свет родиться.

Подчиненные вышли из кабинета. Петр Данилыч вначале позвонил в расчетно-кассовый центр, чтобы узнать, к какому домоуправлению относится квартира погибшего. Потом вышел

и сел в служебный «Уазик». Остальные поехали на общественном транспорте, им было не по пути.

Прибыл по нужному адресу. Здание в два этажа. На первом расположен магазин, на втором контора по приему денег от населения по коммунальным платежам. Драница вошел в бухгалтерию. Так и так. Погибшего знаете?

Бухгалтерия отвечать не торопилась – ходят тут всякие. Пришлось вынимать удостоверение и совать под нос. Лишь после этого процесс несколько оживился. Две тетki тут же полезли в папки, достали списки.

– Документы имеются, – бормотала женщина. – Но белее точные сведения содержатся в паспортном столе... Имеется отметка, что квартира недавно приватизирована. Полгода всего прошло... И что, говорите, с ним? Скончался?.. Ах, вот оно что... Надо же так... Взяли и застрелили. За что хотя бы?...

– Мне бы справку с места жительства.

– Это вам надо в паспортный... Там и отметку сделают, что квартира приватизирована.

Драница пришел к паспортистам, взял справку, спрятал в папку и подался вниз. Надо бы с соседями побеседовать, да не очень-то в последнее время полицию жалуют. Говорят сквозь зубы, критиковать норовят. Теперь многое на слуху.

Сев в машину, Драница направился к месту происшествия. Дверцу у машины закрыл на замок и двинул ступенями вверх, поскольку лифт в доме не работал. Ободранные стены. Кривые перила. Прокуренный воздух. Поднялся на нужный этаж и уперся в стальную дверь. Именно за этой перегородкой помещалась квартира, в которой лишили человека самого дорогого. На косяках с двух сторон темнели две кнопки. Драница нажал на кнопку в соседнюю квартиру.

Звонок внутри молчал. Постучал кулаком – на стук послышался голос старухи:

– Нету никого – приходите завтра...

– Ага! Только этим и занимаемся, что ходим завтра! – ворчал Драница. – Выгляни хоть на секунду!

Но старуха уже отчалила от порога. Звонок в ее квартире не работал, так что надо было опять стучать либо идти к другой двери.

Драница отошел к другой двери, услышал мелодичный сигнал. Потом раздался женский голос из-за двери.

– Мне бы спросить... Вот мое удостоверение, – торопился Драница. – Можно через цепочку.

Но его впустили внутрь. Есть ещё смелые в этой стране.

– Дядю Митю? – переспросила дама. – Конечно, знаем... Недавно убили, которого... Ну как же. Хороший был человек, ласковый. А потом как с ума сошел. Я, говорит, не могу надеяться на произвол судьбы... Медсестра какая-то приходила. Уколы делала...

– Премного благодарен, – Драница взялся за ручку двери. – Вы нам очень помогли, – и вышел, оставив у дамы визитку с телефоном. Вдруг на ум что взбредет – все-таки ведь соседи. И вообще – связь с полицией надо поддерживать.

Сел в машину, задумался. Мотив ревности отпадает. Тетка Анна не в том возрасте, чтобы строить любовные интриги. Ее квартиру осмотрели еще вчера и ничего интересного не обнаружили.

Через час Драница прибыл на базу, продолжая думать о трагедии, что разыгралась в стариковском жилище. Подъехали остальные оперативники. Сели в кабинете у Драницы. Прикинули, у кого чего набралось. Голещихин докладывал первым.

– На каждую бумажку – запрос подавай, – ворчал он. – Расплодились, бюрократы...

– Успокойся... Квартира приватизирована.

– Знаю! – брюзжал тот. – Пришлось наехать!..

У остальных было примерно то же, включая Скворцова. По сути, втроем они ездили в три организации, чтобы узнать об одном и том же.

– Говорят, потерпевший стоял на учете... – выдал Драница.

– Наркоман, что ли?

– Уколы делать ему ходили. Раз так, то без учета не обойтись. Надо бы прозондировать этот вопрос. Что у него за болезнь?

Казанцева оживилась:

– Звонила какая-то... Но со мной говорить отказалась.

У Драницы на столе пропищал телефон. Тот поднял трубку и замер.

– Понял. Спасибо, что позвонили... – и положил трубку.

Оперативники напряженно молчали.

– Приезжали какие-то, – сообщил Драница. – Квартирой интересовались – почему да как? Потом сели в машину и смылись. Вот номер.

Он чиркал ручкой в блокноте.

– Надо проверить, кому принадлежит мотор...

Казанцева прыгнула к монитору. Автоматический поиск владельца автомобильного транспорта. Минута – и сведения на дисплее.

– Тебе и карты в руки, Света, – улыбнулся Драница. – Отправляйтесь вместе с Порошиным... Узнайте, для чего приезжали... Может, родня.

Оперативники тут же отправились выполнять поручение. Драница взял в руки бумажку с данными владельца автомашины, набрал всего две цифры и, продиктовав адрес владельца машины, попросил сообщить номер квартирного телефона. Пусть пробегутся ребята, а он попытает их обогнать, сидя в кресле.

Записал номер телефона и принялся снова звонить. И сразу почувствовал, как человек встрепенулся, забеспокоился. Приезжал, говорит, чтобы на квартиру взглянуть – все-таки центр, а квартиры в центре ценятся. Откуда адрес узнал? Так это же просто. Обратился в агентство недвижимости...

Драница записал номер риэлтерского агентства. Зря погнал оперов. Так всё и было, как этот обрисовал только что.

Драница снова поднял трубку.

– Полиция беспокоит. Старший опер... Всего один вопрос – кто действительный продавец и, разумеется, адрес продавца. Откажетесь говорить, через десять минут приедем в гости – у нас времени нет антимонии разводить... Ага... Правильно вы нас поняли... Записываю... «Дали небесные»... Вот даже как?! Записал. Огромное вам спасибо... Понял вас. Никому не скажу, что от вас получил информацию...

Драница вернул трубку на место и расплылся в довольной улыбке. Пусть эти ездят, а он всё равно обогнал. Никак не научатся с помощью телефона работать.

Казанцева и Порошин, посланные на розыск «покупателя», вернулись ни с чем, сели вдоль приставного стола, блестя глазами.

– Короче, слушайте. – Драница обвел глазами присутствующих. – Для всех повторяю. Продавец квартиры – «Небесные дали». Не кажется ли вам, что это подозрительно?

Оперативники заговорили. Кто во что. Однако быстро пришли к одному: подозрительно. Хотя и слишком уж очевидно.

– Посмотреть надо, кто в этой фирме начальник, – планировал Драница, глядя на часы. – Потихоньку. Так, мол, и так. Следы не успели остыть, а вы продаете. Каким это образом? И пусть для начала предъявят права на квартиру.

Он поднял трубку и, глядя в блокнот, набрал номер.

– Добрый день... Квартиру, говорят, продаете?.. Нет, вы нас не так поняли. В агентство мы уже обращались. Теперь с вами хотелось поговорить... Кто?.. Убойный отдел... На месте будете?

В ответ бубнила какая-то баба. Она никак не могла понять, при чем здесь убойный отдел. Драница выкатил глаза:

– Вы дураками-то не прикидывайтесь! Пустили в продажу квартиру, хозяин которой убит. Ах, вот как, не он хозяин?!.. Вы меня удивляете. Тогда ждите нас – приедем со всеми бумагами.

Он кинул трубку. Самое время проверить – с яичком ли курочка?

И Драница, взяв с собой четверых, отправился в ЦГБ. Объехали главный корпус, завернули за угол и остановились.

Драница распахнул дверь приемной, вошел первым. Остальные за ним. Нависли над секретаршей. Где начальство? Только что звонили, договаривались.

– Нет никого, – ответила девушка.

Казанцева подступила к Дранице:

– А давай секретаря арестуем – всё хоть какой-то результат будет...

И смотрит, улыбаясь, в сторону девушки.

Секретарша – в слёзы, давай объяснять:

– От вас как позвонили, Бачкова выскочила – и бежать...

– Чем вы занимаетесь? – спросил Драница.

– У нас фирма...

– Понятно, что не курятник. Какой вид деятельности?

– Благотворительность... Социальная защита населения.

Драница качнул головой. Ни разу о таких не слышал.

– Мы недавно открылись, – говорила девушка. – До этого документы согласовывали...

– Кто начальство?

Секретарша поджала губы, потом снова их разцепила. Оказалось, в формальных начальниках числится та, что сбежала. Людмила Николаевна Бачкова. Бывшая медсестра. А на самом деле командует здесь Гноевых Борис Валентинович – кандидат медицинских наук.

– Почему же она убежала?!

Голос у Драницы грохотал.

– Думаю, решила позвонить учредителю...

– А здесь что ей не звонится? Стесняться надумала?

Девушка пожалала плечами.

Опер Скворцов, быстрый и легкий, подсел к девушке и стал успокаивать. Потом протянул визитку. Девушка взяла бумажку и свою подает. Взаимно. Девушку Катей в детстве назвали.

– А вас, значит, Валентин?

– Для друзей и для вас – просто Валя...

Входная дверь отворилась, в проеме образовалась полная дама лет пятидесяти с огненно-красными волосами на голове. На ней был такого же цвета пиджак и серебристая юбка.

– К вам пришли, Людмила Николаевна, – оживилась секретарь.

– По какому вопросу?

– Это мы вам сейчас объясним, – сказал Драница, расправляя плечи.

– Тогда проходите...

Бачкова шагнула в сторону, пропуская гостей к себе в кабинет, и вошла последней. Она прошла к столу и села в кресло, которое тотчас запело под ее тяжестью. Гости расселись на диване, наискосок.

– И так! Я вас слушаю!

Драница откинулся на спинку дивана:

– Вопрос, конечно, интересный. Как так получилось, что у человека дырка в голове, а его квартиру назначают в продажу? Можете нам объяснить?

Кресло скрипнуло. Бачкова собиралась с мыслями.

– А что тут особенного? – спросила она. – Мы получили сведения о кончине и решили дать объявление... В этом, по-моему, нет ничего незаконного. Это соответствует принципам нашей деятельности...

Драница оживился:

– Вот-вот! Как раз об этом хотелось бы услышать. О принципах...

Бачкова поправила прическу, убрала прядь красных волос с лица.

– Мы недавно организовались, – стала она рассказывать, глядя на поверхность стола. – Предприятие создал кандидат медицинских наук Гноевых. Надеюсь, вы слышали о нем, заведует кафедрой... Иногда бывает у нас, но не часто. Так. Бумажки подписать. А я у него на подхвате – технический директор. Задача наша непростая. Всем известно, какое у нас положение со стариками. Не жизнь, а существование. Вот он и решил, что надо старикам помогать... Наш девиз – жить припеваючи! С этой целью Гноевых получил лицензию на занятие предпринимательской деятельностью. Конечно, сделать это было довольно сложно. Знаете, как у нас обычно бывает?... Согласования, хождения по кабинетам. Одни очереди чего стоят. Кругом спрашивают, почему это вдруг вы решили? Всем почему-то кажется, что можно лишь торговать либо плести корзины.

Бачкова улыбнулась и продолжила:

– Разработали договор. Пожизненное содержание с иждивением... В нем у нас подробно расписано, как по полочкам... Предмет договора. Срок действия. Права и обязанности... По этим вопросам нас консультирует адвокат Решетилов – знаете такого? Анатолий Семенович...

Драница кивнул. Еще бы не знать пройдоху.

– Кроме того, – с умным видом продолжала Бачкова, – нас курирует председатель районного суда Скрепкина Василиса Петровна. Так что в этом смысле у нас как бы существует юридическая поддержка – у нас всё по закону.

– Замечательно, если б не одно обстоятельство. Убит именно ваш клиент. Может, подскажите, с чего это вдруг?

Бачкова развела руками. Не по адресу обратились. Документы показать – это можно.

Драница опустил голову в пол, сцепил руки. Дверь отворилась, в кабинет вошел мужчина лет сорока. Серые волосы. Застенчиво улыбается. С извинениями, что заставил ждать.

Бачкова разинула рот:

– Борис Валентинович, товарищи из полиции...

– Вижу-вижу... Какие проблемы?

Драница хлопнул себя по коленям:

– Ищем убийцу.

– Да, конечно... Я в курсе, что убили. У нас лицензия. Уставные документы. Отношения договорные. В рамках Гражданского кодекса.

Гноевых явно нервничал. Секунда – и он запоет о давлении со стороны государства. И Драница решил спросить о главном. О доходах.

– В уставе об этом четко сказано... – промямлил директор.

– А в договоре? Можно нам посмотреть?

– Безусловно... – Гноевых посмотрел в сторону Бачковой. – Но если взглянуть искоса на наш бизнес, то получается, что мы вроде как ничего не производим, а доход получаем. Но дохода, замечу, круглый нуль. На зарплату едва наскребаем... Остальное налоги съедают...

Драница понимающе кивнул: вновь песня о старом, о наблевшем. Налоги так высоки, что легче удавиться.

– И все же, – продолжил он. – У нас два трупа и никаких свидетелей. Осталась квартира, вы ее выставили на продажу... В связи с этим возникает вопрос...

– В договоре всё сказано...

– Вам известно, как жил потерпевший? Может, у него были враги? Ведь вы собирались за ним ухаживать.

Ответ заставил Драницу напрячься. «Небесные дали» по закону вроде как вообще не обязаны этим заниматься. Для этого имеются специальные учреждения.

Холодно сказано. Сухо. Безжалостно. А ведь сказавший эти слова – врач. Клятву когда-то давал. Как видно, забыл давно...

Задав еще несколько вопросов, Драница поднялся. Визит мало что дал. Обычная реакция обывателя на чужое несчастье.

...Алексей Иванович Гаевой вечером не выдержал. Как с цепи сорвался, покраснел и давай гавкать на подчиненных. Работайте, пробивайтесь! Короче, девятый вал.

– Ни за что не поверю, что нельзя преступление раскрыть! – надрылся он. – Глядеть надо, ядрёный корень! Нет одинаковых людей! Все разные! И все торопятся!..

– Как голые в баню... – шепнул Скворцов, но полковник услышал.

– Совершенно с вами согласен, товарищ Скворцов! Как в баню. При этом теряют вещи и оставляют следы. Так что смотрите под ноги... И кверху заглядывайте – может, увидите. Ага... Так... Еще чего накопили?

– У них были договорные отношения с убитым, – сообщил Драница. – Ему помогли приватизировать квартиру – остальное по мелочам. Подарили телевизор, убирались в квартире...

– Так... – Гаевой оживился. – А сколько их там работает? Трое?.. Двое носилки несут, третий – мух отгоняет? Хорошо устроились. И зацепится там не за что... Другую версию давайте! Бытовую! Может, пил старичок?! А мы до сих пор не знаем... Как то есть нет, когда бывает сплошь да рядом?! Мне вас, что ли, учить! Дохода у них пока что не было. Это точно. А если был? Проверьте сделки по квартирам за истекший период. Думаю, с того самого момента, как они на свет появились. Дали эти синие.

– Небесные...

– Вот именно. Я и говорю... Знаете притчу о бесплатном сыре?.. Так что давайте, действуйте. О каждом результате немедленно мне докладывать. Благотворительность, понимаешь... Но это же сказки!.. Али-Баба какая-то! Сыр для голодного... И что, есть любители, капитан Драница? А?! Сколько у них договоров?! Можете мне сказать?!

– Упустили этот момент, Алексей Иваныч...

– Надо точно знать, кто, когда и на каких условиях заключил договор с этой конторой. Как это у них называется? Договор пожизненного содержания с иждивением? На вечные времена?

– На срок жизни, – поправил Скворцов.

– Короче, с утра. На свежую голову. Это дело там! – Гаевой показал пальцем в потолок. – Я на вас надеюсь, товарищи офицеры. Изучайте юридические особенности подобных сделок. Надо посмотреть, что из себя представляет договор. Встречайтесь со специалистами, вникайте. И докладывайте... Параллельно ведите другую версию – пьянство, супружеская неверность, внебрачные дети. Либо старые долги... – Гаевой поднялся из кресла. – Все свободны...

Оперативники приставили стулья на место и вышли.

Стрелки больших часов на стене в кабинете начальника полиции упирались в цифру девять.

Выйдя из кабинета, Гаевой вдруг подумал о Решетилове. Тот еще махинатор: под обещание оправдательного приговора сдирает с клиентов приличные бабки, за что получил заслуженный срок... Теперь, выходит, прилип к «Небесным далям». И председатель суда Скрепкина к ним затесалась. Интересная парочка вышла...

Глава 5

Адвокат Решетилов с утра прыгнул в машину и пошел скакать среди луж, распугивая брызгами прохожих. Он всегда был глумлив по отношению к закону. Казалось, закон специально придумали как бы с двойным дном. Впрочем, он не был далек от истины. И тем гордился.

Вот и здание ЦГБ, обнесенное по периметру высоким забором из толстых стальных прутьев. Анатолий Семенович на воротах притормозил, показал охраннику средний палец, повернутый кверху, и прибавил газу. Его здесь знали теперь как облупленного: со всеми перезнакомился. Даже со сторожами. Решетилова жизнь научила: не будешь крутиться – тебя самого наденут на вертел и поджарят вместо шашлыка.

Впрочем, никто его теперь не поджарит. Адвоката Решетилова многие знают. Даже в других регионах, включая столицу.

Повернув за угол здания, он припарковал машину, включил сигнализацию, и метнулся ступенями кверху. Гноевых и Бачкова оказались на месте.

Решетилов поздоровался за руку с Гноевых, брякнулся на диван, раскинул ноги и потянулся за сигаретами. Никому нельзя курить в помещении – ему можно. Специально для себя оговорил особые условия, когда договор с Гноевых заключал.

– Тут такое дело, – начал учредитель.

– Сейчас... – Адвокат прикурил от зажигалки. – Говорите...

Гноевых принялся по порядку рассказывать.

– Так-так, – вставлял иногда Решетилов. – Ну, это понятно...

Гноевых закончил. Сообщил всё, что знал, и даже приврал: «Корыстный мотив, сказали, просвечивается... Лицензию, говорят, отберем...»

– Ну, это они мелко плавают! – Адвокат вскинул кривые брови. – Изменения в обществе идут необратимые! Одни менты с тех пор не изменились... Им бы только вцепиться и не пускать... Короче говоря, договор дороже денег. Никто его не тянул подписывать. А что с ним случилось, так мы за всех не ответчики. Пусть ищут и привлекают. И если, допустим, пойдет молва, что покойники, дескать, у них, так мы тоже кое-чего умеем. Иск вчиним – успокоятся. Предъявим требования о причинении морально вреда, о возмещении убытков. Еще чего-нибудь придумаем...

Закончив повествовать, Решетилов кинул сигарету в пепельницу и за другой полез. Словно вконец решил отравить помещение.

Гноевых демонстративно вертел носом, но терпел. Адвокат делал вид, что не замечает. Пусть переносят его запахи. Меньше вызывать станут по пустякам. Моду взяли: «Приезжайте, Анатолий Семенович. Вопросов тьма накопилась...» А приедешь – загадки решать заставляют, ребусы. Конкретнее надо быть, господи...

– Разобрались, откуда у верблюда гонор?.. Тогда я поехал, – неожиданно решил он. – В суд надо заскочить. Пока...

Он вскочил. Махнул рукой на прощание – и только его и видели. Словно и не было вовсе Решетилова. О недавнем визите только дым напоминает.

Гноевых бросился к окну, распахнул настежь. Легкие требовали свежего кислорода. Кандидат медицинских наук специализировался по легочным заболеваниям и не понаслышке знал, что такое прокуренные помещения.

– Все поняла? – спросил он Бачкову. – А то я с утра не способен к восприятию.

– Хрен его знает. Вертит как этим самым по губам. – Людмила Николаевна была женщиной резкой и не стеснялась в выражениях. – Выходит, что нет пока что оснований к волнению.

... Решетиллов тем временем летел к воротам ЦГКБ, собираясь проскочить без задержки. Надавил на газ, но не тут то было: полосатый шлагбаум вдруг перекрыл дорогу. Железяка хренова! Всю зиму торчал, как у того новобранца, и вдруг упал.

Адвокат выскочил из машины – и к будке. На двери замок. С кого спросить, если там никого?! Подшутил, значит, кто-то.

Обернулся и тут увидел: кренделяет пятнистая фигура от приемного покоя с бутылкой воды под мышкой. И не торопится. Подошел, глаза вылупил, руку тянет.

– Счас как дам! – вместо приветствия разразился адвокат. – Где тебя хрен носит?! Почему пост оставил?! Говори! Отвечай!..

– Ты мне из кабины палец показывал, но я не понял. Скажи на словах.

– Моли бога, что радиатор цел остался...

– Я не виноват. К главному врачу обращайся. Он здесь за всё отвечает...

Охранник подошел к шлагбауму, поднял в вертикальное положение, вставил стальной шкворень в проем.

Решетиллов прыгнул в машину, хлопнул дверью, вырвался на улицу и полетел вдоль, виляя между дырами в асфальте. На перекрестке повернул и тут притопил педаль до пола, поглядывая на часы: время поджимало под самое некуда. Процесс могли отложить, а он обещал, что будет вовремя. Долетел до шоссе. Осталось повернуть налево, дождавшись зеленого огня на светофоре, и пойти напрямиком. Теперь без остановок.

Светофор, тем не менее, не торопился. Он покраснел весь от постоянной работы. Решетиллов дернулся с места от нетерпения, пытаясь подогнать время. Еще раз дернулся и снова остановился – на пешеходном переходе. Обойдут, кому надо. Вот идет тоже один, словно лом проглотил. За угол машины уже заступил... В руке держит посох за середину. Значит, этот посох ему нужен как собаке пятая нога.

И тут вдруг вспыхнул зеленый. Решетиллов дернулся: не стоять же на месте, когда зеленый сияет, – и тюкнул пешехода в колено. Чуть-чуть! Уголком!

Пешеход вдруг остановился как вкопанный, обернулся к машине. Перехватил клюку и с размаху опустил свой гладкий предмет напротив водительского лица, моментально лишив обзора. Все стекло покрылось мутной сеткой морщин. И еще раз. Потом еще...

Анатолий Семенович не считал, сколько. Такое у него было впервые.

– Козлина! – негодовал мужик. – Вылезай, сука! Сейчас я из тебя отбивную сделаю!.. Протез, падла, сломал!..

Решетиллов давил на кнопки мобильного телефона. Кинуть бы машину назад, да нельзя – транспорт сзади всюю напирает.

Она набрал наконец номер и заорал:

– Пацаны, выручайте! На перекрестке Гоголя и Димитровградского шоссе! Мозги грозят выбить!

Пацаны коротко ответили:

– Через минуту будем...

Решетиллов отключил мобилу, осмелел моментально и даже стал твякать в ответ.

Инвалид, слава богу, выдохся. Уделал машину как бог черепаху и успокоился. Только бы не ушел. Тронулся было через дорогу, но его притормозили. Вовремя ребята подоспели. Под локти к своей машине ведут.

– Не дрыгайся, – шипят пацаны.

А инвалид и не думает дрыгаться. Только ворчит да волками тамбовскими обзывает.

Решетиллов теперь улыбался, предвкушая безобразное разбирательство. Однако рано он стал улыбаться. Какой-то тип, с сумкой через плечо, подошел к пацанам, отобрал инвалида, спрятал себе за спину и главному братану кулаком в нос – у того кровь фонтаном, согнулся вдвое. Теперь это не боец. И даже не свидетель. Поливает асфальт кровушкой.

Решетиллов сжался в машине. Как он метко их шелкает. И не боится. Ведь могут на перо посадить. И посадили бы, да у того пистолет вдруг образовался в руке. Выстрел – машина у ребят села на одно колесо. Второй – целиком опустилась. Затем стволом в рожу одному, другому. Лежать!

Слава богу. Выходит, не бандит. Бандит давно прикончил бы «гвардию» и ушел в обнимку с инвалидом – шампанское пить.

Инвалид так и шьет за этим впрыскаду. Связать помог. А мужик – к Решетиллову. У того оборвалось всё внутри. Найдут очевидцев. Скажут, даванул человека на перекрестке, тот и вошел «в кому». Так что посадить надо опять Решетиллова. Вот она, судьба...

Мужик наставил на Решетиллова пистолет:

– Гони документы!

Пришлось предъявить удостоверение водителя и адвоката. Анатолий Семенович смутно надеялся, что бордовая книжечка может помочь.

– Вот мы какие... – Мужик рассматривал удостоверение. – Видеть никого не желаем. Но жить хотим. Причем кудреватое – не так ли?

Решетиллов согласно тряс головой. Кто же не хочет...

– Тогда вытряхивай стекло и дуй отсюда по-доброму. Ждем. У тебя три секунды... Раз!

Решетиллов дернулся на сиденье. Уперся руками в разбитое стекло и выдавил. В норматив уложился. Потом выскочил из машины, стащил стекло на обочину, намереваясь оставить здесь же.

– В багажник с собой заberi! – приказал мужик. – Не надо здесь пакостить...

Решетиллов не спорил. Как он сразу не догадался, что гадить нельзя по обочинам. Отворил заднюю дверь, подобрал осколки и уложил в багажник.

– Теперь вали без оглядки...

Решетиллов полез в машину, косясь на ручку пистолета, торчащую из-под ремня. Все-таки бандит, кажись, попался... Не мент все-таки...

Решетиллов тронулся с места и пошел галопом. Жаль, крыльев нет, не то взлетел бы. На пятой передаче вышел к транспортной развязке. Поток воздуха вжимал его в спинку сиденья.

Прошел через развязку. Принял вправо, остановился, посмотрел на часы. Попал, называется, в уголовный процесс. И тут же закаялся впредь торопиться. Вынул трубку и стал набирать номер.

– Алле! Суд?!.. Такая вот история. Дорожное происшествие. Еле в живых остался. Так что вы без меня как-нибудь, либо еще раз откладываете... Да... Ничего не поделаешь... Без стекла стою...

Он развернулся и пошел в обратном направлении. За квартал до злополучного перекрестка свернул направо – опять не попасть бы на глаза бандиту.

...Инвалид со случайным спасителем шагали теперь вдоль домов. Хромой опирался на палку.

– Видеть никого не хотят, – говорил он. – Вот я и не выдержал.

– Что с ногой?

– Ампутация после Афгана. Не приходилось бывать?

Попутчик отрицательно качнул головой. Не приходилось.

Инвалид покосился, глядя со стороны на попутчика: в других местах, по всей видимости, бывал мужик. Это уж точно. Жесткий мужик с большой душой...

– Орловская группировка... – повторял инвалид. – Пусть полежат теперь... Одумаются, может... А тебе спасибо.

Он остановился, хрустя протезом, и протянул руку.

– Казанцев моя фамилия... Владимир. Капитан в отставке.

– Майор Лушников. МВД.

– А по имени?

– Николай...

– Вот и познакомились.

Казанцев хрустнул помятым протезом:

– По паре капель? Ради знакомства...

Лушников не возражал. Только что с поезда – и сразу на спектакль.

Они углубились в квартал и вскоре вышли на параллельную улицу. Здесь были всё те же старинные, двухэтажные дома.

– Ты мне звони, – требовал Казанцев, записывая телефон в записную книжку. Выдрал листочек и протянул.

Лушников взял бумажку и сунул в карман. Продиктовал номер своего телефона. Задумался на секунду. Придется пускать здесь корни. Пять лет провел в Омской академии. Потом еще десять – на острове. И даже заметить не успел, как четвертый десяток пошел.

Протянул руку инвалиду. Пока, капитан. Был рад познакомиться. Поправил сумку с ремнем через плечо и пошел пешком вдоль улицы, глядя по сторонам.

– Звони! – крикнул позади инвалид.

Лушников согласно кивнул, не оглядываясь.

Глава 6

Лушников Николай шагал в сторону дома. Ранний апрель будоражил кровь. В данном районе мало что изменилось за последнее время. Те же дома стоят. Те же троллейбусы ходят по улицам.

Он подошел к дому и стал смотреть со стороны, встав у витой чугунной ограды. Отец не догадывается, что сын приехал, если Гиринов не проболтался. Надо внезапно зайти. Застать, как говорится, врасплох за семейным счастьем.

– Хорошо тебе! – кричал отец как-то по телефону. – Ты молодой! Вскочил и побежал, куда захотел! А мне надо жену, чтобы кружку воды поднесла в случае чего!..

Кажется, поднесла... По словам крестного, до ручки дошел старикан. Ноги едва таскает, так что вовремя приехал домой Николаша.

Из окон в его сторону так никто и не выглянул. Николай вошел в подъезд. В прошлом здесь жили партийные деятели. Случайно к ним затесался легчик-истребитель. Дом расположен близко к центру, в тихом месте. Дворник тетя Вера с метелкой попала навстречу.

– Приехал, Коля? А твой-то! – Она махнула рукой. – Не буду говорить – сам увидишь. Не бросай его одного...

– Для того и вернулся...

Лушников поднялся на второй этаж и нажал на кнопку двери, собираясь обнять отца и сказать на ухо хоть что-нибудь. Самое сокровенное. Сказать, что помнил всё это время, что тосковал.

Однако к двери никто не спешил. Молчок. Ни шороха, ни голоса. Вот так номер. Придется идти к крестному и там уж решать, что делать дальше.

Он развернулся и шагнул в обратном направлении, согнувшись под тяжестью сумки. Обнял отца, называется! Кому ни скажи – засмеют.

Вышел из подъезда – и напрямиком к Гириновым. Только бы дома оказались. Иначе некуда будет податься. Хоть на вокзале ночуй.

Шел и молил бога. А когда пришел к Гириновым, обрадовался. Сидят дома оба – и тетка Настасья, и дядя Ваня. Крестный с газетой в руке бросился обнимать. Сам чуть не по пояс крестнику.

– Иван Иванович, домой не попаду никак...

– Ничего, Колька! Мы их того! Укатаем!

– Как вы живете?

– Ты проходи, раздевайся. Вот тебе тапочки.

Гиринов вынул из-под шкафа тапки и положил в ногах у долгожданного гостя.

– Как живем? – переспросил. – Весело живем! Послушай! Только что газету читал. Со смеху чуть не скончался. Вот, слушай...

– Отстань! Устал он с дороги! – кричала тетка Настасья.

– Нет, пусть вникает. – И начал читать: – «Внимание! В новый ресторан «Владимир» (Новый город) приглашаются на конкурсной основе повара и официанты с именем Владимир, не старше сорока трех лет, обязательно лысые. Девиз ресторана: «В нашей еде вы не найдете ни одного волоска!» Резюме и фото по адресу... Адрес электронный. Или вот еще: «Требуются сотрудники – до двадцати семи лет. А если мне двадцать восемь – что мне делать?!»

Тетка Настасья с трудом отобрала у мужа газету и стала сама читать.

– Где тут про лысых-то? – Углубилась в чтение. – Ты хоть смотрел дальше-то?! Тут же латинскими буквами написано – первое апреля. Разыграли тебя...

– Выходит, развели. На мякине... Хрен с ними.

Они прошли в зал, опустили в кресла.

– Выходит, не открыл, – продолжил Гирин. – Понятненько... Что я скажу. Попал под влияние наш истребитель: теперь он ведомый... Не так болен, как диагнозов ему понаставили.

– Мне бы в квартиру попасть...

– Попадем! У него эта была, скорее всего, вот он и постеснялся открыть. Или, может, ему не дали. Не будем гадать.

Гирин взглянул на жену, и та ушла на кухню.

– Соловья баснями не кормят! – пустил ей вдогонку Гирин.

Хозяйка быстро накрыла стол. Бутылку поставила. Рюмки хрустальные приготовила.

– Это ты правильно сделал, Коля, – говорила она, поправляя кудряшки на голове. –

Вовремя ты поспел...

Гирин распечатал бутылку. Наполнил рюмки.

– За твой приезд. И за удачу, чтоб разобраться пришлось! Подняли! Потом пойдем. Ешь.

С дороги все-таки...

Пообедали, быстренько собрались и пошли к Александру Сергеевичу, на ходу строя планы. Сейчас как придут, как начнут говорить, так он сразу поймет – что был неправ, что заблуждался. Нельзя ему было торопиться с этой Филькиной.

Пришли, постучали в дверь и не получили ответа. Дворник тетя Вера поднялась ступенями с улицы.

– Нет там никого! Увезли только что в больницу. У соседей спросите.

А те сами на стук выглянули из-за двери. И подтвердили: так и было! Подъехала машина и забрала. Куда увезли? А кто его знает! В больницу, само собой...

Николаша прижался спиной к двери и тяжело вздохнул. Из-под носа увели родителя. Еще неизвестно, где тот сейчас находится. Да и жив ли вообще?..

– Ну, что ж... – Гирин хмурился, шевеля бровями. – И на том спасибо... Хоть какая-то информация.

Вернулись к Гириным. Куда звонить? С чего начать?

– Дай, я буду звонить, дядя Ваня... – попросил Николай. Положил перед собой блокнот, ручку и придвинул телефон.

– Скорая?.. Куда доставили?.. В ЦГБ?.. В какое отделение?.. Хорошо, сейчас подъеду.

Однако Гирины не отпустили. Вместе ходим. А пока надо хоть часок отдохнуть – всё равно там неприятные часы пока что.

Отвели племянника в комнату, уложили на кровать и прикрыли после себя дверь.

– У него же пол под ногами играет после дороги...

– А вечером ходим.

Вечером они опять собрались, вышли из дома и сели в троллейбус. Только бы больного в другое место не перевели. Прибыли, поднялись лифтом на седьмой этаж и обратились к сестре. Нельзя ли увидеть такого-то. С диагнозом непонятным.

– Как это? – медсестра ухмыльнулась. – Разве же так бывает?

Посмотрела в список.

– Сердечная недостаточность у него. Ступайте в палату... Не может он сам ходить.

Николай вошел в указанную палату и вздрогнул, увидев запавшие глаза и обострившийся нос. Мумия египетская, и та краше бывает.

– Саня! – Гирин устремился к Сергеичу. – Что она с тобой сделала?!..

Но «мумия» вдруг отворила глаза и вполне ясно спросила:

– Кто? Как вас понимать?..

– Вот. – Гирин обернулся. – Опять провалы в памяти. А ведь недавно вполне соображал. Что с тобой случилось? Как ты сюда попал? Мы же договорились...

– Ну...

– Вот и Настя не даст соврать. Иди сюда, Анастасия... Посмотри. Не нос, а шило. Скажи, Саня, что молчишь?.. Как ты?.. Можешь говорить?.. Сын к тебе приехал...

Александр Сергеевич перевел взгляд, махнул рукой.

– Вот как мы, – вздрогнул голосом. – Сил нету, чтобы встать...

Николай нагнулся к отцу, обнял, ухватил за руку. Потом присел рядышком на кровать.

– Как ни приду, спит, – говорил Гирич. – Всю дорогу во сне в последнее время.

– Когда ему есть, – всхлипнула тетка Настасья. – Выпьет горсть таблеток – и на боковую.

Что за таблетки хоть пил?

– А... – шевельнул пальцем Сергеич и закрыл глаза. – Тамара приносила. Ими только и живу. Вот, опять принесла...

– Понятненько! – встрепенулся Гирич.

Александр Сергеевич отворил глаза, указал пальцем в тумбочку. Посмотрите, если не верите.

Сын потянул на себя верхний ящик, сунул руку, чтобы найти там таблетки, и ничего не обнаружил.

– Были... – Отец не сдавался. – Утром приносила. Целый бутылек. Перед вами опять была...

– Такие, что ли? – Гирич сунул руку в карман пиджака и достал оттуда бумажный сверток. Развернул. Высыпал на ладонь. Аккуратные розовые таблетки в глазурированной оболочке.

Сергеич скосил глаза и облизнулся.

– Они самые. Как бы их употребить.

– Обойдешься, – отрезал Гирич. – Похожие, да не те. Мне против кашля недавно выпи-сали.

– Я тоже кашляю...

– Тебе нельзя – мозги заклинить могут. Мы тут тебе принесли. Ты ешь, не лежи. Ходить надо, аппетит нагонять...

Поговорили еще. Больше сами с собой, чем с больным.

Тот не хотел больше открывать глаза. Дернул кистью, дав понять, что могут идти, и отвернул лицо к окну.

– Папа, мне негде ночевать... Слышишь меня?

Отец молчал. Впал в забытье и летал себе где-то опять в облаках.

Николай посмотрел на часы. Пожалуй, сиди. Кроме мозолей, ничего здесь не высидишь.

Встал и вышел из палаты. Родня за ним. Тетка опять в слезы.

В коридоре у окна он остановился, поджидая Гирича.

– Видал, как уцепился... Пришлось соврать, – раздул ноздри Гирич. – Тут как дело было: зашел к нему как-то, а он опять вне себя. Давай мне уши тереть насчет таблеток. Мы тяпнули с ним. Он покушал хорошо и уснул. Я цоп их – и в карман. Думаю, проверить надо. И таскаю до сих пор в кармане.

Мимо торопилась девушка в белом халате.

– Можно вас на минутку? – позвал Николай.

Та с готовность подошла.

– Слушаю вас...

– Можете вы сказать, что это за таблетки? Хотя бы примерно. А то таскают тут одному.

Он и старается.

Девушка напряглась. Почему она должна отвечать?

Лушников вынул удостоверение, развернул. Майор полиции такой-то.

– Кроме того, – продолжил он. – Хотелось бы уточнить назначения. Что ему прописали?

– Идемте со мной, – позвала та. – На дежурном посту вам ответят.

Подвела и сказала:

– Помоги товарищу из полиции... У него вопрос по его компетенции...

Другая девушка в белом халате удостоверение спрашивать не стала. Взяла в руки медицинскую карту и стала читать. Ничего необычного. Рядовые мероприятия, связанные с выводом организма из голода. Подкормка сердечной мышцы.

Лушников слушал. Потом разжал ладонь.

– А эти лекарства ему прописаны?

Медсестра внимательно посмотрела на розовые таблетки. Смяла губы, качнула отрицательно головой и стала разъяснять ситуацию:

– Насколько я понимаю, это мощные таблетки... Их применяют в психиатрии. Подавляют желание бодрствовать, успокаивают. Я бы их не советовала... Но лучше вам обратиться к лечащему врачу. Пройдите в ординаторскую...

Она показала рукой вдоль коридора.

Лушников двинулся в указанном направлении. Гири с теткой увязались за ним. Вошли в кабинет. Мужик лет тридцати что-то быстро писал, согнувшись над столом.

– Извините. Могу я спросить по поводу Лушникова?

– Да-да, пожалуйста! – Доктор поднял голову. – Прошу садиться...

– Скажите...

Лушников протянул ему горсть таблеток. Врач уставился на них, словно это был цианистый калий, и ему предлагали испробовать на вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.